

Секция «История социально-политических учений России»
Революционная Россия в творчестве Ф. А. Степуна
Соболев Владимир Андреевич
Студент (специалист)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия
E-mail: sobvlad1992@yandex.ru

Русская тема овладевала Ф.А. Степуном постепенно, а со времени Первой Мировой войны и революционных событий в России она стала доминирующей в его сочинениях. Россия для него — некое живое существо, имеющее свою душу, свою идею — Русскую идею.

В ее раскрытии Степун руководствовался христианством в его собственном представлении. Для него христианство целостно утверждает равенство целого и части, личности и мира, церкви и человеческой души. Для Степуна вопрос о конфессиях в христианстве совсем не первостепенен — насколько абсолютна вера Христова, настолько же относительны все христианские мирозерцания. Отстаивая православие, он не столько апеллирует к славянофильскому толкованию соборности, сколько просто принимает его как доказанное историческим развитием русского религиозного сознания.

В цикле очерков «Мысли о России» Степун дает подробное описание исторического пути России, пытаясь объяснить причины революции и предугадать ее дальнейшее развитие. Революция для него — событие в жизни Русской идеи: распадение ее религиозно-социальной и культурной целостности. Революция взрывает все смыслы, принятые ранее, всегда держащиеся в повседневности. Взрыв всех смыслов — это и есть смысл революции, ее исторический сверхсмысл, прорыв метафизики в историю. Революция свидетельствует, что единого национального сознания уже нет, что оно расколосось и обретает новые формы, переоформляется, а последнее находит свое выражение в появлении новых реальностей в русской социальной и культурной жизни. Так Степун проводит мост между метафизикой русской идеи и реальной историей.

Степун видит трех главных субъектов, участвовавших в эпилоге русской истории в 1917-1922 гг.: народ, интеллигенцию, правительство. А все начинается со «встречи просвещенческо-рационалистической идеологии К. Маркса с темной маятой русской народной души» [1, С. 276] или, если рассмотреть это в более широком религиозно-культурном контексте, со встречи западноевропейской культуры, уже утратившей свою религиозность, с русской религиозностью, еще только восходившей к своей культуре. Раскрытие этого тезиса и составляет объяснение причин революции у Степуна.

Он говорит о «культурно-хозяйственной убогости» русской народной жизни, которую объясняет природными и историческими условиями, но также связывает ее с особым характером русской религиозности, определившим активное отталкивание земного благоустройства, того, что Степун называет «почвенным противлением культуре» или «мистическим нигилизмом» [3, С. 106-112, С. 345-374; 4, С. 38-51].

Связь между религиозностью и акультурностью принципиальная, и близость русских к религиозному переживанию жизни тогда же значит их отдаленность от культуры в той форме, в которой она сложилась на Западе, — в форме автономных сфер деятельности. И эта чуждая дифференциации культура не выдержала испытания встречей с Западом. Русская религиозная философия «потакала» такой культуре.

Отстаивая целостность русской жизни и отрицая необходимость ее дифференциации, религиозная философия не понимала, что дифференциация может не только отрицать

религиозность, но и охранять ее, как то было, к примеру, в средневековой схоластике и в европейских мистических учениях: «...во всякой действительно современной форме (научной, художественной, правовой) как в совершенной, неизбежно наличествует некоторый минимум религиозного содержания...» [1, С. 265]. Если бы в русском самосознании существовало понимание религиозной освященности формы, то оно не отрицало бы идеи права и иных идей, связанных с «серединностью и мещанством»; она была бы более озабочена посторонним устройением жизни.

Определенную долю вины за русскую революцию Степун возлагает на Русскую церковь. Православная церковь не знала идеи естественного права, на котором покоятся все права человека и гражданина. По мнению Степуна, она копировала христианство первых веков, была «устремлена вспять», а не вперед. Церковь, и религиозная философия оказались глухи к земному устройению, культурно-хозяйственная «убогость» русского народного быта, в оценке Степуна, оказывается фатально связанной с его религиозным сознанием. Суммированный и реальный результат такого отношения к земному — глухота к общественно-политической свободе, неподготовленность к состоявшемуся расколу единого национального сознания.

Этот раскол определился действием двух основных причин. Одна — консервативная социальная политика правящих верхов России: «застрельщиками революции являются не столько революционные вожди, сколько те власть имущие представители старых форм жизни» [1, С. 343]. Русский человек, еще не интеллигент, а просто образованный русский человек, отказываясь от девальвированных властью религиозно-национальных ценностей, обращается к ценностям Западной Европы — гуманистической идее политической свободы и социалистической идее социально-экономической справедливости. Беда, однако, в том, что в самой Европе эти прекрасные идеи уже оторвались от своих религиозных корней. Либерализм и социализм приходят к нам вместе с атеизмом. Целостность нашего сознания исчезает; оно оказывается составленным из враждующих между собой блоков. Власть и церковь, западники и славянофилы, народ — все смотрят в разные стороны.

Степун подчеркивает, что если бы славянофилы поняли пафос общественно-политической свободы, а западники — религиозное основание ее, то «в России вместо двух враждебных лагерей, быть может, и создавалась бы единая партия защитников религиозной свободы во всех ее формах и проекциях (в том числе, конечно, и в политической) против реакционно-националистического клерикализма и революционно-космополитического атеизма» [1, С. 270].

На интеллигенцию [2, С. 39-55; 3] Степун возлагает главную ответственность за «поджог» России, и пожар запылал на русских просторах, уже готовых к пожару: «Падение веры неизбежно превращает недифференцированную целостность народного сознания из явления прикровенной культуры в явление откровенного варварства... — вера в нагого Бога сразу, почти без перехода... перешла в голое циничное безбожие» [1, С. 257].

Источники и литература

- 1) Степун Ф.А. Избранные труды. — М., 2010.
- 2) Ширинянц А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2012. — № 4.
- 3) Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М., 2011.
- 4) Ширинянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: Русский революционный

нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2012. — № 1.